

И. Н. Исакова

Москва, Россия

**ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО «ГРОЗА»
КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ СЮЖЕТА
И ЕГО ТРАГИЧЕСКОЙ РАЗВЯЗКИ**

Собственные имена пьесы Островского «Гроза», рассмотренные в контексте народной культуры, превращаются в символы, которые определяют сюжет пьесы, превращая ее в мифологему. Причем фактически ни один персонаж не реализует интенцию, заложенную в его имени, более того, поведение каждого скорее прямо противоположно ожидаемому. Это можно объяснить через влияние фамилии, т. е. родового начала, преодолеть которое не может и даже не пытается ни один герой. Катерина реализовывала интенцию своего имени только до замужества. Оказавшись в семье Кабановых, она невольно подвергается ее влиянию, что и приводит героиню к грехопадению и затем к гибели.

Ключевые слова: имя, символ, сюжет, народный календарь, приметы, обычаи.

Собственные имена в литературных произведениях давно привлекают внимание исследователей. Уже стал общим местом тезис, что в художественном произведении нет имен немотивированных, выявлено много различных принципов выбора собственных имен. Однако для литературной ономастики всегда особенно важна эстетическая функция имен, потенциал которой обычно раскрывается в ходе сюжета. В драме по сравнению с эпосом у имен более выражена характеризующая функция (неслучайно именно в пьесах можно найти наиболее яркие примеры «говорящих» и даже «кричащих» [1, с. 107] имен).

Выбирая имена своим персонажам, Островский руководствовался различными принципами. В первую очередь он учитывал семантику имени и в особенности фамилии персонажа, причем в его пьесах часто выстраивается система «говорящих» имен (однако семантика имени далеко не всегда лежит на поверхности), которая может дать зрителю / читателю нужную драматургу установку восприятия пьесы. Помимо этого, Островский всегда учитывал социально-знаковую функцию имени. Имена всех его персонажей не просто зафиксированы в святцах, но и употреблялись во второй половине XIX в. Фамилии, как правило, либо ре-

Исакова Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, Москва 119991, mandala-1@yandex.ru)

альные, либо потенциально возможные¹. Фонетический облик имени также был важен для драматурга, часто имена его персонажей основаны на звукописи, в них можно увидеть метрические структуры. В раннем творчестве драматурга отчетливо прослеживается тенденция давать имена, отсылающие зрителя / читателя к народной традиции: к месяцеслову, к народным легендам и поверьям, особенно ярко этот принцип прослеживается в пьесе «Не так живи, как хочется». Благодаря таким именам в пьесе создается символический подтекст, реализующийся в сюжете. Интерес Островского к народной культуре отмечали уже современники драматурга, особенно ярко он отражается в пьесах Москвитянского периода². Неслучайно пьеса «Не так живи, как хочется» носит подзаголовок *народная драма*, ее сюжет действительно близок к фольклору. Пьесы насыщены народной лексикой, пословицами и близкими к ним выражениями, придуманными Островским. Причем нередко пословица выносится в название пьесы, что облегчает ее восприятие для простого зрителя. Герои его пьес часто поют, особенно богата народными песнями пьеса «Бедность не порок». Однако и в дальнейшем сохраняется связь творчества драматурга с народной культурой, хотя она уже далеко не всегда настолько очевидна. Может быть, в большей степени она сохраняется в ономастическом пространстве пьес.

Имена главных персонажей пьесы «Гроза» отсылают в первую очередь к народному календарю, к поверьям, обычаям, связанным с днем памяти того или иного святого, а также к народным представлениям о том или ином святом.

В день Бориса и Глеба (6 августа) берегли хлеба. В это время бушевали грозы (показательно, что Борис и Глеб вписываются в череду грозных праздников), считалось, что именно в этот день молния может спалить урожай, а то и человека убить. Из-за этого день Бориса и Глеба получил еще одно название *Паликопна*, от *палить копны*. Поэтому на Бориса старались не выезжать в поле и не браться за полевые работы. Этот обычай отразился в народных пословицах *На Глеба и Бориса за хлеб не берися*, это тем более значимо, что, как говорили в народе, *На Бориса и Глеба поспекает хлеб*, т. е. начинался уборочный сезон.

Однако не только погодно-климатические условия повлияли на народные представления о Борисе и Глебе как святых, связанных со стихией грозы. Большую роль сыграли и летописно-религиозные образы святых. В частности в «Сказании и страдании и похвале мученикам святым Борису и Глебу» при описании посмертных чудес возникает образ грозовой тучи, впереди которой видны были два светлых юноши, которые спасают Россию от врагов. Образы Бориса и Глеба связываются с мотивами света, сияния: «этих святых поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой Русской земле». Связывается с Борисом и Глебом также образ огня: однажды к их могиле подошли варяги, и один из них наступил на нее. Оттуда тотчас же вырвался огонь и опалил ему ноги. Через несколько дней после этого загорелась ветхая церковь святого Василия, около которой лежали святые. На ее месте была воздвигнута новая во имя святых Бориса и Глеба. Кроме того, образ Бориса связывался также с мотивом воды, реки, ведь он был убит Святополком на реке Альте. Итак, в народном представлении с образом Бориса связывается гроза, молния, огонь, река.

¹ Следует учитывать, что во второй половине XIX в. еще шел процесс образования фамилий, поэтому потенциально возможная фамилия через какое-то время уже вполне могла стать реальной.

² См., например, *Филппов Т. И.* «Не так живи, как хочется». Народная драма в 3-х д. Соч. А. Н. Островского. URL: http://dugward.ru/library/filippov/filippov_ne_tak_jivi_kak_hohcetsa.html

В драме Островского мотив грозы проходит через всю пьесу и связывается Катериной с греховной любовью к Борису. При первой же встрече она говорит ему, что он ее погубил, что ей не жить на свете. В кульминационный момент Борис приближается к Катерине (Варвара его прогоняет), и после этого раздаются страшные удары грома. Катерина была уверена, что молния убьет ее (по преданию, убитая молнией женщина была грешницей). В начале пьесы во время разговора Катерины и Варвары о греховной любви молодой женщины к Борису, несколько раз слышатся раскаты грома. Таким образом, в пьесе реализуется связь Бориса и грозовой тучи. В этой же сцене появляется полусумасшедшая барыня, предрекающая смерть, попадание в ад. В дальнейшем этот мотив реализуется. В кульминационный момент Катерина хочет помолиться, но видит изображение геенны огненной, которое воспринимает как предвестие того, что ее ждет.

Кроме того, Борис и Глеб считались в народе страсотерпцами, в каком-то смысле герой пьесы Островского также может считаться мучеником: ведь именно на нем постоянно срывает свой гнев Дикой. Однако этот мотив снижен: терпение Бориса бессмысленно, это проявление слабости, несамостоятельности. Герой понимает, что наследства ему дядюшка не даст, но продолжает надеяться на его милость, вместо того чтобы пойти на службу и заработать деньги. В народе Борис и Глеб считались защитниками Руси (особенно эта идея связывалась с именем Бориса, в котором крестьянин видел связь со словом «оборонять»), а герой пьесы не в состоянии защитить даже любимую женщину. Более того, Кудряш предупреждает героя, что его любовь погубит Катерину, но он не слышит его, опьяненный предстоящей встречей. В дальнейшем он только просит Дикого не трогать Катерину (причем, Дикого, а не Кабаниху, которая тиранит молодую женщину), но ничего не делает для того, чтобы хоть как-то облегчить участь той, которая всем пожертвовала ради него. Простившись с Катериной, он желает ей смерти, видя в ней единственное облегчение для возлюбленной.

Мотив греховной любви и гибели Катерины связывается не только с Борисом, но и с Варварой, что в целом идет вразрез с образом святой. Ведь к Варваре обращались с просьбой спасти от внезапной и насильственной смерти. В основе поверья лежит фрагмент жития святой. Перед смертью она была заточена в тюрьму, где, испытав мучения, получила утешение и подкрепление от явившегося к ней Христа, который даровал ей причастие. Идя на казнь, Варвара молилась, чтобы к тем, кто будет ее почитать, не приблизилась болезнь внезапная и не похитила смерть нечаянная. Во время молитвы люди услышали голос с неба, обещавший исполнить просьбу. Поэтому на иконах Варвара изображалась с алмастом для причастия. В разных областях России известны молитвы, обращенные к Варваре, с просьбой спасти от неожиданной смерти, отпустить грехи и даровать причастие, если перед смертью не было возможности исповедаться.

В Варваре Катерина видит свою спасительницу, именно ей, причем в самом начале пьесы, признается, что боится умереть внезапно, без покаяния. Вряд ли случайно, что именно Варваре Катерина признается, насколько боится грозы, считалось, что Варвара может уберечь от удара молнии. Представление основано на легенде: святую Варвару казнил сам отец Диоскор, которого поразила молния. Таким образом, в соответствии с именем Варвара должна не только не бояться молнии, но считать ее своей защитницей, и героиня Островского, действительно, не боится молнии, правда, совсем по другой причине. Итак, Катерина боится грозы и просит золовку поддержать, спасти ее. Однако Варвара играет совершенно иную роль в жизни Катерины, косвенно подталкивает ее к самоубийству. Именно она устраивает свидание невестки с Борисом, дает ей ключ от калитки, уверенная, что та непременно поддастся искушению. Варвара, с одной стороны, подчеркивает, насколько сочувствует Катерине, понимает ее переживания. Кроме того, Вар-

вара объясняет, почему Катерина не может любить Тихона, и ничего предосудительного не видит в любви невестки к Борису. Она давно заметила, как меняется Катерина в присутствии Бориса и теперь хочет, чтобы та пошла на поводу своих желаний. Для Варвары не стало неожиданностью желание Катерины во всем признаться Тихону (она ведь «чудная»), т. е. Варвара понимает Катерину, может предугадать ее поступки. И при этом не делает ничего, чтобы ее спасти. И в довершение всего Варвара, лишённая возможности видеться с Кудряшом, сбегает из дома, оставляя Катерину совершенно одну: теперь молодой женщине не с кем поделиться своим горем, не у кого просить сочувствия и поддержки. Фактически для Варвары Катерина оказывается лишь средством достижения собственных целей (девушке надо было беспрепятственно видеться с Кудряшом, для этого необходимо было ночевать в саду, но одну ее Кабаниха не отпустила бы): героиня не реализует интенцию, заложенную в ее имени, более того, ее характер и поступки противоречат этому: вместо любви к ближнему и желания ему помочь героиня проявляет крайнюю степень эгоизма.

Считалось, что Варвара может также помочь наладить взаимоотношения в семье, особенно между поколениями, Варваре молились об умягчении родительского гнева. Катерина жалуется Варваре (и только ей!), насколько ей тяжело замужем, насколько она чувствует себя угнетенной. Но здесь Варвара точно ничем не поможет, она в принципе не понимает, что не нравится Катерине, чем их домашний уклад так разительно отличается от того, в котором выросла невестка. Более того, все действия Варвары в конечном счете приводят к тому, что семья Кабановых распалась: дочь отказывается жить в родительском доме, сын обвиняет мать в том, что его жена покончила с собой.

Важно, что Варваре, причем в гораздо большей степени, чем Борису, приписывалась связь с водой. В Ярославской области есть святыня Варварин ключ (скорее всего, известный Островскому, поскольку он много ездил по губернии). На Варварин день после церковной службы прихожане шли к ключу и набирали воду, которая в этот день приравнивалась по своим качествам к Крещенской. В пьесе Островского Катерина рассказывает Варваре, как жила в родительском доме: «Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью». Сама Варвара не ощущает связи с природой, заволжские дали не привлекают ее внимания. Катерина как бы на себя перетягивает эту связь. Это может быть объяснено в частности тем, что на иконах Катерина и Варвара часто изображались вместе, эта икона считалась «женской»: к ней обращались женщины, моля о любви, о даровании ребенка, о мире в семье, об исцелении от женских болезней и т. п. Кроме того, связь с водой можно объяснить и через отчество Катерины – Петровна. На Петров день принято было ходить к ключу и умываться родниковой водой. Заметим, что после замужества Катерина на «ключок» не ходит.

Варвара покровительствовала ремеслам, связанным с нитями и тканями, а также помогала рукодельницам. Катерина, думая, чем заняться в отсутствие мужа, решает вместе с Варварой (!) шить бельё по обещанию и затем раздать его бедным. Она уверена, что золовка поддержит ее, но это вовсе не входит в планы девушки.

На образ Варвары повлиял и чисто языковой фактор: у имени довольно прозрачная этимология: связь *Варвара* – *варвар* легко прочитывалась нашими предками. День Варвары попадает на середину декабря, когда устанавливаются лютые морозы, что отражалось в пословицах: *На Варвару зима ложится*; *К Варварину дню зима дорогу заварит* (*заварварит*), *мосты мостит*. Видимо, с этим связывается появление глагола *варварить* / *заварварить*, т. е. что-то круто изменить. Эта идея сполна реализована в пьесе Островского: Варвара – главная «сюжетная пружина».

жина» пьесы, все основные события в той или иной степени были инициированы ею. Существовал также глагол *проварварить* – праздновать лихо, пренебрегая приличиями. В словаре В. И. Даля дается синонимический ряд: *праздновать, кутить, гулять, пить* [2, с. 164]. Жизнь Варвары по сравнению с жизнью Катерины, действительно, напоминает праздник: она свободна, всегда может пойти гулять. Однако важнее то, что Варвара не знает удержу в своих желаниях, готова идти до конца, пренебречь приличиями, когда она сбегает с Кудряшом. Она фактически бросает вызов обществу. Часто глагол (*про*)*варварить* употреблялся не один, а вместе с другим глаголом (*про*)*саввить*, имевшим то же значение. Вряд ли случайно, что еще один персонаж, не знающий удержу в своих порывах, носит имя *Савел* (Дикой). Разумеется, *Савва* и *Савел* – разные имена, хотя и близкие, что подчеркивается общей народной формой *Сав* [3, с. 275], что, видимо, обыгрывается Островским.

Таким образом, Катерина видит в Варваре защитницу, т. е. воспринимает ее в контексте образа святой Варвары, в то время как в действительности характер и действия героини скорее могут быть описаны глаголами *заварварить, проварварить*, т. е. реализуется не возвышенное, а низменное начало.

Народное сознание связывало имя *Катерина* с глаголом *кататься*, на Катерину Санницу, 7 декабря, устраивались гуляния, катались в санях. И первыми в поездку отправляли молодоженов, сыгравших осенью свадьбу. Именно на этом празднике пара впервые после венчания показывалась на людях. Кроме того, Катерина считалась покровительницей в любовных делах, поэтому в санях обычно садились парами: молодожены, женихи с невестами, девушки старались зазвать в свои саночки того, по кому сохли, считалось, что тогда парень обязательно ответит взаимностью. Поэтому в народе Катерину прозвали Женодавицей: она покровительствует в любви, дарует жениха или невесту. Героиня Островского мечтает о любви, которая является одной из главных ценностей для нее. При этом любовь связывается с «катанием», причем говорится об этом в первом действии, когда образ Катрины вводится в пьесу: «кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись». Заметим, что больше слов с корнем -кат- в пьесе нет. Катерина уже два года замужем, так что ей не положено кататься с любимым, обнявшись. Героиня как бы остается психологически на предыдущем этапе, она все еще мечтает о любви, гуляниях, ее сознание не перестроилось, в глубине души она продолжает воспринимать себя как девушку, но не как молодую женщину. В литературоведении часто подчеркивается, что Катерина, выходя замуж, была готова любить мужа, уважать свекровь [4, с. 407], но смириться с укладом жизни семьи Кабановых не может. И хочет как бы переиграть сценарий: снова оказаться на этапе выбора супруга. Ведь неслучайно она просит Бориса взять ее с собой. Но в рамках патриархального общества, пусть уже и утратившего во многом связь с традицией, это невозможно. Показательно, что у святой Катерины была и другая ипостась, она помогала женщинам обрести радость материнства, покровительствовала беременным. Но эта сторона образа святой Катерины почти не отражена в характере героини: правда, она сетует, что бог не дал ей деток, но больше эта тема не развивается, нигде не сказано, что религиозная женщина молилась бы о даровании ей чада, видимо, мысли ее всецело направлены в другую сторону.

Праздник Катерины Женодавицы всегда отмечался весело, был любим народом. Нельзя сидеть дома, надо выходить, гулять, веселиться. Героиня Островского сетует, что она утратила способность радоваться жизни: «Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле». Ее любовь к Борису может быть объяснена теми же мотивами: героиня может погулять с ним «на воле», снова радоваться жизни.

Те, кто не мог себе позволить кататься на расписных санях, садились на обычные санки или дощечки и скатывались с горок, обычно с берега реки прямо на лед. Вообще считалось, что каждому в этот день надо один раз скатиться с горы, чтобы с души скатились все тяжелые раздумья, сомнения, чтобы вернулось душевное спокойствие. Катерина в пьесе Островского сводит счеты с жизнью, бросаясь в реку с обрыва, что может считаться символическим актом. Ведь самоубийство для героини – единственная возможность снова обрести покой, освободиться от душевной тяжести. Таким образом, оно может быть мифологически связано с ее именем.

Вечером под Катерину принято было ворожить. Любопытно, что Варвара в шутку предлагает Катерине ворожить ночью в саду, от чего та с ужасом отказывается. Здесь возникает любопытная параллель. Варвара не собирается ничего шить (Катерина ей даже этого не предлагает), хотя покровительствует рукодельницам. Так подчеркивается чистота Катерины и склонность к пороку Варвары. Итак, Катерина Островского в каком-то смысле оказывается еще чище, чем можно было ожидать, а Варвара – еще порочнее³.

После Катерины Женодавицы мужчины отправлялись в город зарабатывать извозом, женщины оставались вести домашнее хозяйство. В пьесе сначала уезжает Тихон, затем Борис, причем ни один, ни другой не может взять Катерину с собой.

При анализе имени главной героини следует учитывать ее отчество: Катерина *Петровна*. Можно вспомнить об апостоле Петре, фигуре популярной как в фольклоре, так и в литературе, с которым связывается представление о грехе, отступничестве с последующим покаянием. Таким образом, усиливается мотив греховности Катерины. В то же время на Руси в начале лета отмечались два Петра, 25 июня Петр Афонский (солнорот): *С Петра Афонского солнце на зиму, а лето на жару*. Таким образом, с Петром связывалось представление о резкой перемене в жизни. В творчестве Островского уже был один Петр из пьесы «Не в свои сани не садись»: страстная, мятущаяся душа. Герой изменяет жене (!), даже готов убить ее в надежде, что это поможет ему жениться на любимой Грушеньке. И в итоге едва не проваливается с обрыва в прорубь, т. е. в реку (!): «Мерещатся мне разные диковины да люди какие-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: где жена? Они смеются да куда-то показывают. Я все шел, шел... вдруг где-то в колокол... Я только что поднял руку, гляжу – я на самом-то юру Москвы-реки стою над прорубем. Вспомнить-то страшно! И теперь мороз по коже подирает!» Но в прорубь попадает не Петр, а другой персонаж. Петр спасается, потому что смог сбросить с себя наносное стремление к свободе, желание жить не по традиционным нормам. Воспитанный в патриархальной семье, он недолго шел на поводу своих страстей, не успел совершить непоправимый поступок. Отметим также, что герой мог *случайно* погибнуть, он вовсе не думал о самоубийстве. У Катерины связь с патриархальным миром очень ослаблена, остановиться она уже не может. Показательно, что героиня ищет опору не в себе, а в других людях: в Тихоне, Борисе, Варваре.

³ Кроме того, Островский явно учитывал и этимологию имени *Катерина* (с др.-гр. *чистая*, см.: *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен., М., 2000. С. 129). В Западной Европе считалось, что один из самых страшных грехов, который можно совершить в день Катерины, прелюбодеяние, его почти невозможно отмолить. Нам не удалось установить, насколько это было характерно для православной церкви, и насколько Островскому была известна католическая традиция. Но очевидно, что образ Катерины вполне вписывается в нее.

С отчеством героини связан и мотив грозы. Начало лета – грозное время, а на Петров день часто шли дожди, сопровождавшиеся грозами. Нам, правда, не удалось найти каких-то особенных примет на Петров день, связанных с грозой, но вряд ли случайно, что и Борис, и Катерина (т. е. мотив греховной любви в целом) связываются с мотивом грозы.

Таким образом, отчество героини в символическом плане противопоставлено имени героини. Чистое начало, идущее от имени, противопоставлено греховному началу, идущему от отчества. Но очень важно, что грех осознается и преодолевается, т. е. героиня должна была пройти через соблазн, возможно, совершить грех и обязательно раскаяться в нем. А этого в пьесе не происходит, надежда на спасение, даваемая отчеством героини, рушится.

Имя *Тихон* связывалось со словами *тихий, утешать*, поэтому к Тихону часто обращались с просьбой избавить от болезней, в первую очередь, от душевных, связанных с наговором, порчей. Также ему молились в надежде избавиться от уныния, тоски и вернуть душевную умиротворенность. Самой тяжелой и почти неизлечимой болезнью на Руси считалось беснование, и только святой Тихон мог избавить от этого страшного недуга. Состояние Катерины вполне может быть сопоставимо с беснованием. Человек тогда часто оказывается в плену своих страстей, а христианские нормы поведения искажены в его сознании, что ярко проявляется в решении героини покончить с собой. Тихон является для Катерины соломинкой, за которую она пытается схватиться. Греховные мысли воспринимаются героиней фактически как дьявольское искушение, почти как порча. Перед отъездом Катерина просит Тихона взять с нее клятву верности, которая, по ее мнению, должна была избавить ее от соблазнов. Тихон не выполняет свою функцию, не понимает, зачем жена от него это требует. И более того, не считает нужным скрывать, насколько он счастлив, что может хоть на две недели вырваться на волю: «До жены ли мне!». Именно эта реплика воспринимается Катериной как яркое свидетельство того, что муж ее не любит. Не может Тихон помочь жене и после ее признания в измене. Героиня признается ему в грехе, надеясь, что это облегчит ее нравственные терзания, но в действительности получается наоборот. Герой сосредоточен на своих страданиях, о чем говорит, в частности Кудряша. Таким образом, Тихон не только не может избавить Катерину от тоски и уныния, но и сам, возможно, в еще большей степени их испытывает и не меньше ее нуждается в утешении.

На Тихона обходили дом с иконой Божьей Матери «Умягчение злых сердец». К сожалению, герой пьесы – слабая личность, не способная усмирить гнев матери, т. е. и он не реализует интенцию, заложенную в его имени.

Отчество персонажа *Иванович* в контексте пьесы соотносится с отчеством Катерины. В народном сознании имена *Петр* и *Иван* связывались с атмосферой веселья и разгула, поскольку Петр и Павел завершали праздничную неделю, где главным праздником был Иван Купала. Вряд ли случайно, что Тихон вовсе не является верным мужем, более того воспринимает свои измены как само собой разумеющееся.

Стоит сказать, что черты характера Варвары, заложенные в имени, усиливаются отчеством, хотя в пьесе по отчеству она ни разу не названа. В этом свете иначе воспринимаются отношения Варвары и Кудряша, в которых фактически нет места теплым поэтическим чувствам, в основном это отмечается в ремарках: «Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет»; расставаясь, «Варвара зевает, потом целует (Кудряша. – *И. И.*) холодно как давно знакомого».

Помимо имен в пьесе очень значимы фамилии. Как нам представляется, именно они дают ключ к пониманию того, почему персонажи не реализуют интенции,

заявленные в их именах. Неслучайно, что в обеих фамилиях (*Дикой, Кабанова*) можно увидеть мотив *дикости, животного, зверского* начала [5, с. 650–655]. Однако при ближайшем рассмотрении здесь всплывают и иные контексты. Согласно рождественской легенде, кабан – единственное животное, которое не обрадовалось, когда родился Иисус Христос. Все твари земные ликовали и прославляли Христа, и только кабан, в которого вселился дьявол, чувствовал злость и раздражение, поэтому он подошел к младенцу и уколол его своей щетиной. Связь кабана / свиньи с бесовщиной прослеживается и в легенде о том, как Иисус, исцелил бесноватого, выпустив из него духа и вселив их в стадо свиней, которое бросилось в пропасть. Таким образом, за свиньей закрепились репутация нечистого животного. Помимо этого надо помнить и о том, что кабан в отличие от свиньи – дикое животное, в котором дьявольское начало может выступать в полной мере.

Итак, над Варварой и Тихоном Кабановыми, а также и над Борисом Диким довлеет семейное и, возможно, шире – родовое, звериное, сатанинское начало, которое герои не могут, да и, наверное, не желают преодолевать. Эгоизм – главная черта характера всех Кабановых, начиная с Марфы Игнатьевны. Поэтому, видимо, и происходит своеобразное «измельчание» имени, которое является отражением измельчания жизни, таким образом имя как духовный центр перестает выполнять свои функции, потенциал имени искажается [6]. Кабаниха вроде бы в соответствии со своим именем пытается сохранить дом (в Евангелии Марфа противопоставляется Марии, как заботящаяся о земных благах, о доме), но у нее это не получается. В принципе финал пьесы демонстрирует крах Кабанихи, но вовсе не трагедию. Героиня так же полна решимости воспитывать сына, в голосе ее звучат те же властные нотки. Ничто не в состоянии сломить ее волю и уверенность в собственной правоте.

Борис, племянник Дикого (сын его брата), носит ту же фамилию, что и дядя (пусть и ни разу не прозвучавшую в пьесе). Поэтому в нем так же явно прослеживается звериное начало, которое не смогло искоренить воспитание, жизнь в Москве. Родовое начало проявляется, в первую очередь, в его отношении к Катерине. Не приходится сомневаться, что он испытывает к молодой женщине сильное, искреннее чувство, но... на первом же свидании, в самом начале он не просто не реагирует на слова Катерины о том, какая она грешница, что он ее погубитель, он на нее перекладывает ответственность за совершенный ею поступок! «Вы сами велели мне прийти...», – говорит он ей, а затем снова повторяет: «Ваша воля была на то». Единственное, что его волнует – когда вернется муж. «О, так мы погуляем! Время-то довольно», – говорит он, обрадовавшись, что Тихона не будет две недели. Даже в начале XXI в. эта фраза звучит по меньшей мере странно. Правда, современные Островскому зрители могли включить эту фразу в несколько иной контекст: тогда в театрах ставилось немало пьес с любовным сюжетом, где слова «гулять», «погуляем» могли быть знаком взаимной симпатии между героями. Сказанное, тем не менее, не отменяет того, что герой крайне эгоистичен в проявлениях своей любви.

В связи с этим хотелось бы отметить, что Катерина, выйдя замуж, также становится Кабановой, и независимо от ее желания родовое начало ее новой семьи начинает влиять на нее. Неслучайно теперь ей уже не снятся те чистые сны, которые она видела в девичестве, теперь ее кто-то ведет куда-то... И бороться ей одной против всех невозможно. Девичья фамилия героини остается неизвестной зрителю / читателю. И это символично: неважно, что было раньше, на дальнейшую судьбу героини это никак не может повлиять. Вопрос о том, насколько Катерина сохранила свою чистоту, наверное, всегда будет открытым в науке. Но все же заслуживает внимания то, что именно Катерина не может выжить в этом мире.

Тихон и Борис страдают, но в целом смиряются со своей участью (во что выльется протест Тихона, неизвестно). Варвара вообще комфортно чувствует себя в Калинове. Для литературы характерны сюжеты о том, что праведница при контакте с дьяволом погибает, не в силах ни победить его, ни жить с грехом (один из самых ярких примеров «Демон» Лермонтова). И Катерина после контакта с миром Кабановых и Диких неизбежно должна погибнуть. Но и Тихон все-таки испытал, пусть и слабое, влияние Катерины: он боится, чтобы она не сделала что-нибудь с собой, беспокоится за нее, глубоко страдает, узнав, что она бросилась в Волгу.

Символическим является и название города Калинова. В фольклоре калина олицетворяла девичью красу, белые цветы связывались с подвенечным платьем. Ягоды калины ярко-красные с семечком в форме сердечка связывались с представлениями о любви. Кусты калины – недолговечное растение. Этим, вероятно, обусловлена связь калины со страданиями и смертью. Калина в песнях часто символизировала любовь, любовные страдания. В народе бытовали сюжеты о превращении в калину девушки, погибшей в результате заклятья или несчастной любви. В этих сюжетах могли фигурировать утопленницы, что, видимо, объяснялось тем, что калина нередко росла по берегам рек.

В «Грозе» полусумасшедшая барыня называет Катерину *красавицей*, примечательно, что о внешности Варвары ничего не сказано. При этом красота Катерины, по словам барыни, заводит ее в омут (о чем говорится в первом действии пьесы). В дальнейшем этот мотив получит развитие. Таким образом, название города Калинова предвещает, что в пьесе разыграется любовная трагедия, которая закончится смертью женщины, и с самого начала пьесы становится понятно, что женщина эта – Катерина.

Таким образом, ономастическое пространство пьесы «Гроза», прочитанное в контексте народной культуры, в первую очередь указывает на основные вехи сюжета (характерологическая функция здесь выражена менее ярко, чем в других пьесах Островского), а также предвещает трагическую развязку. Страшный финал во многом является результатом того, что фактически ни один герой не реализует интенцию, заложенную в его имени, более того, обычно поступает прямо противоположным образом, что объясняется невозможностью и нежеланием преодолеть родовое начало. Особенно показателен пример Бориса, который испытал сильное влияние матери, получил образование, но, тем не менее, стал на путь даже не столько отца (про которого почти ничего не известно), сколько дяди Дикого, в доме которого он живет. Борис не защищает Катерину, а, наоборот, губит ее, Тихон не утешает, не поддерживает, сконцентрировавшись на собственных страданиях, Варвара подталкивает к греху, в результате которого Катерина покончила с собой, т. е. умерла без покаяния, от чего золовка должна была бы ее уберечь. В отличие от других героев Катерина в целом реализует интенцию своего имени, но... до вступления в брак. С этого момента ее начали окружать дикие люди, духовно слабые, и, видимо, испытав их влияние, она уже не смогла быть на той же высоте, на которой была раньше, не смогла в психологическом плане перейти в новую жизнь замужней женщины: в соответствии со своим именем думать уже не о любви и катаниях, а о рождении детей. В каком-то смысле Катерина хотела бы переиграть ситуацию, но в патриархальном мире, пусть и доживающем свой век, это невозможно. Но если для всех персонажей нереализованность потенциала имени – норма, то для Катерины – нет, что в итоге и делает ее гибель неизбежной. Если герои могут реализовать или не реализовать интенцию, заложенную в имени, то пространство, город, неизбежно ее реализует, поэтому в городе Калинове должна была произойти любовная трагедия. Ономастическое пространство пьесы в целом позволяет прочесть ее фактически как народную мифологию, что, видимо, способствовало большому успеху пьесы в провинциальных театрах.

Список литературы

1. *Пеньковский А. Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996. Т. 1.
3. *Суперанская А. В.* Словарь народных форм русских имен. М.: Флинта: Наука, 2009.
4. *Журавлева А. И.* Русская литература XIX века: Учеб. пособие для поступающих в вузы. М.: Изд-во МГУ, 2001.
5. *Кржижановский С. Г.* Этюды об Островском // Кржижановский С. Г. Статьи, заметки, размышления о литературе и театре. М.: Симпозиум, 2006. С. 648–658.
6. *Флоренский П. А.* Малое собр. соч. М.: Купина, 1993. Вып. 1: Имена.

I. N. Isakova

Moscow, Russian Federation

ONOMASTIC SPACE OF A. N. OSTROVSKY'S PLAY «THE STORM» AS A SIMBOLIC REFLECTION OF THE PLOT AND ITS TRAGIC DENOUMENT

Summary. The proper names in «The Storm» by Ostrovsky being regarded within the context of national culture become symbols that determine the plot of the play turning it into a mythologeme. Practically no character whatsoever realizes the intention that his or her name contains, moreover, the behavior of each character is exactly the opposite of what is expected. It may be explained by the influence of a surname, that is a generic principle that no character can or even tries to fight. Katerina had been realizing the intention of her name only before she got married. When she finds herself a member of the Kabanovy family she unwittingly comes under its influence, which leads then to her fall and death.

Keywords: name, symbol, plot, national calendar, omens, customs.

Isakova Irina N. – PhD, Lecturer, Department of Theory of Literature, Moscow State University (Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, mandala-1@yandex.ru)